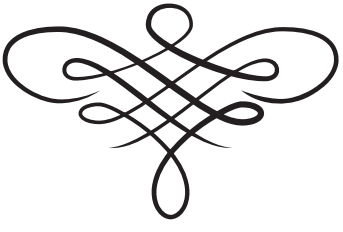
Часть II

КОРА АНТАРОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

II ЧАСТЬ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.
А72 Две жизни. Часть II / Антарова К. Е. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 400 с. — (Мастера мысли).
ISBN 978-5-17-166784-9

Книга «Две жизни» — мистический роман, который популярен у людей, интересующихся идеями Теософии и Учением Живой Этики. Этот текст был написан известной оперной певицей, ученицей К. С. Станиславского, солисткой Большого театра Конкордией Евгеньевной Антаровой (1886–1959). Как вспоминала сама Кора Антарова, книга писалась под диктовку во время Второй мировой войны и являлась знанием, переданным через общение с действительным Автором посредством яснослышания — способом, которым записали свои книги Живой Этики Е. И. Рерих и Н. К. Рерих, «Тайную доктрину» Е. П. Блаватская.

Впервые в книге, предназначенной для широкого круга читателей, даются яркие и глубокие Образы Великих Учителей, выписанные с огромной любовью, показан Их самоотверженный труд по раскрытию Духа человека. Теперь каждый из нас может приобщиться к Великой Истине, открыть для себя новые знания, которые на самом деле всегда находятся внутри нас.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-166784-9

© Антарова К. Е., текст
© Издательство АСТ, оформление

Предисловие психолога ко второй части романа К. Е. Антаровой «Две жизни»

Вторая часть романа «Две жизни» — это уже не просто история о поиске себя. *Это книга о внутреннем взрослении человека. О том моменте, когда душа больше не может жить по-старому. Когда внешняя жизнь — со всеми ее успехами, ролями, страхами, обидами и желаниями — вдруг начинает казаться тесной и недостаточной. И тогда начинается вторая жизнь. Настоящая.*

Не случайно действие романа переносится в Лондон — мир роскоши, статуса, власти и общественных масок. Именно здесь герои проходят одно из самых сложных испытаний: испытание не бедностью, а благополучием. Не одиночеством, а соблазном потерять себя среди красивой жизни, денег, влияния и чужих ожиданий.

И, пожалуй, именно поэтому второй том так глубоко откликается современному человеку.

Сегодня люди живут в постоянном внутреннем напряжении. Мы перегружены информацией, сравнениями, тревогой за будущее. Многие умеют производить впечатление, быть успешными, удобными, правильными, но почти разучились слышать себя. Мы научились выживать, но не всегда умеем жить. И книга Конкордии Антаровой мягко, без осуждения возвращает человека к самому важному вопросу: *«А где в этой жизни я настоящий?»*

Автор показывает, что у каждого действительно есть две жизни. Первая — та, которую человек проживает автоматически: в страхе, обидах, бесконечной гонке, попытках заслужить любовь и одобрение. Вторая начинается тогда, когда человек осмеливается проснуться. Когда начинает замечать свои мысли, мотивы, чувства и впервые берет ответственность за собственную душу.

Именно поэтому во второй части так много разговоров о внутренней дисциплине, милосердии, честности перед собой и о служении людям.

«Никто тебе не друг, никто тебе не враг,
но каждый человек тебе великий учитель».

Это одна из ключевых мыслей романа. Она меняет сам взгляд на отношения. Вместо вопроса: «За что мне это?» постепенно появляется другой: *«Чему меня это учит?»*

Во второй части герои сталкиваются с деньгами, властью, ревностью, предательством, страхом смерти и одиночества. Но Антарова показывает удивительную вещь: человека разрушает не сама жизнь, а внутренний хаос.

«Если ты сегодня, в эту минуту, поддалась страху — весь твой организм заболел».

Эти слова сегодня звучат почти как психологическая истина. Потому что тревога действительно способна захватывать тело, мышление, отношения и судьбу человека. И книга очень бережно показывает: *страх нельзя победить насилием над собой. Его можно пройти только через внутреннюю опору, осознанность и возвращение к любви.*

Особую роль во втором томе играют Учителя — Флорентиец, Илларион, сэр Ут-Уоми. Они символизируют ту часть человеческого сознания, которая уже вышла за пределы эгоизма и суеты. Через них Антарова показывает: *истинная сила всегда спокойная. Она не подавляет, она направляет. Не унижает, а помогает человеку самому увидеть собственную глубину.*

Флорентиец становится образом мудрости и внутренней зрелости. Его присутствие рядом с героями словно напоминает: *человека невозможно изменить страхом или давлением. Настоящие перемены происходят только тогда, когда просыпается душа.*

Илларион воплощает сострадание и глубокое понимание человеческой боли. Через него автор говорит о том, что *любовь — это не слабость и не жертвенность. Любовь требует огромной внутренней силы и способности сохранять свет даже тогда, когда вокруг много боли.*

Сэр Ут-Уоми становится символом достоинства, дисциплины и верности своему пути. Через него особенно ясно звучит мысль Антаровой: *духовность — это не уход от мира. Это умение сохранить чистоту души внутри самой обычной жизни.*

Очень глубокими получились и женские образы романа.

Алиса Уодсворд — один из самых светлых персонажей книги. Через нее Антарова показывает, что *настоящая сила человека далеко не всегда бывает громкой. Иногда она живет в терпении, заботе, способности любить и не ожесточаться, даже проходя через боль.*

Алиса искренне заботится об умирающем отце, терпеливо переносит холодность семьи и при этом сохраняет внутренний свет. Ее музыкальный дар становится продолжением ее души — пение и игра на рояле трогают окружающих не техникой, а чистотой сердца.

Через Алису роман напоминает: *доброта не слабость. Милосердие требует огромной внутренней силы.* И именно такие люди — тихие, искренние, глубоко чувствующие — часто меняют чужие жизни сильнее всего.

Полной противоположностью ей становится Дженни. Через этот образ Антарова показывает человека, живущего в плену собственных иллюзий. Дженни боится внутреннего взросления, избегает любого душевного труда и мечтает лишь о красивой жизни, восхищении и блеске высшего света.

Но за этим скрывается огромная пустота. Дженни хочет счастья без внутренней зрелости, любви — без ответственности. И потому ее судьба становится важным уроком: *человек не может изменить свою жизнь, пока продолжает искать причины своих страданий только во внешнем мире.*

Особенно болезненно это раскрывается в браке этой героини, в котором иллюзии постепенно сталкиваются с реальностью. Но сила романа в том, что Антарова не осуждает Дженни. Она показывает, как трудно человеку расставаться со своими иллюзиями и встречаться с собой настоящим.

Леди Катарина Уодсворд становится еще одним важным образом книги. Через нее Антарова показывает, как гордыня, тщеславие и желание контролировать способны разрушать не только жизнь близких, но и собственную душу.

Катарина живет законами внешнего мира — статусом, влиянием, роскошью. Она не понимает духовной глубины мужа и Алисы, пытается подчинить себе семью, превращая дом в пространство напряжения и страха.

Но и здесь роман удивительно человечен. За жесткостью Катарины Антарова показывает духовную слепоту и внутреннюю пустоту человека, который потерял связь со своей душой. И потому этот образ становится не только предупреждением, но и напоминанием о том, *как важно человеку не потерять способность любить, слышать и видеть других людей.*

Совсем иначе раскрываются отношения Наль и Николая. Их союз становится одним из самых красивых образов любви во второй части. Это любовь не про обладание, а про свободу, уважение и совместное внутреннее взросление.

Под руководством Флорентийца они учатся ответственности, внутренней дисциплине и умению сохранять чистоту души даже среди роскоши и соблазнов большого мира.

Очень красиво раскрывается и сама Наль. Рядом с Николаем и Учителями она постепенно проявляет свои таланты, свою глубину, свою женственность. Она учится музыке, много читает, создает вокруг любимого человека пространство тепла, красоты и внутреннего покоя. Но при этом ее образ не сводится к жертвенности. Наль остается свободной, живой, внутренне самостоятельной женщиной.

Антарова показывает редкий образ любви — любви, которая не разрушает человека тревогой и зависимостью, а помогает ему становиться глубже, спокойнее и сильнее.

Отдельно хочется отметить тему отношений и брака, которая очень тонко раскрывается во втором томе. Сегодня многие люди ищут любовь как спасение от одиночества, тревоги или внутренней пустоты. Но Антарова показывает: *настоящий союз строится не только на чувствах, но и на духовной близости, уважении и способности помогать друг другу становиться лучше.*

Именно поэтому роман продолжает находить отклик у читателей спустя десятилетия. *Это не просто мистическая книга. Это роман*

о человеке. О его страхах, слабостях, поиске любви, внутреннего света и смысла жизни.

**«Не загромождайте день всякими непосильными задачами.
Живите просто, как будто в прошлом не было ничего.
И каждый расцветающий день — новая формирующаяся жизнь».**

В этих строках — удивительная мудрость для современного человека, который постоянно живет либо прошлым, либо тревогой о будущем.

Когда я читаю вторую чавсть, я особенно ясно чувствую одну мысль: *человек становится сильнее не тогда, когда перестает бояться, а тогда, когда перестает жить только страхом. Когда выбирает любовь вместо ожесточения, милосердие вместо осуждения, честность вместо красивых масок.*

Эта книга помогает внимательнее относиться к людям. Помнить, что у каждого идет своя внутренняя борьба. И что *иногда самое важное, что мы можем сделать друг для друга, — не разрушить, а согреть.*

**«Ни в какие мрачные моменты жизни нельзя забывать
самого главного: радости, что вы еще живы,
что можете кому-то помочь, принеся свет в чье-то отчаяние».**

Наверное, именно в этом и есть главный смысл второй части. Не в мистике и тайных знаниях, а в простом и одновременно очень сложном искусстве — *оставаться человеком.*

Живым.

Добрым.

Смелым.

Верным своей душе.

И каждый раз, открывая эту книгу, словно снова слышать тихое напоминание:

**«Просыпаясь утром, благословляй свой новый расцветающий день
и обещай себе принять до конца все то, что он тебе принесет».**

Татьяна Попова
психолог, гипнотерапевт, коуч

TOM 1

ГЛАВА I

Бегство капитана Т. и Наль из К. в Лондон. Свадьба

Спешно покинув сад дома дяди Али, Наль в сопровождении двух слуг, из которых один был ее двоюродным дядей, переодетым слугою, молодого Али и капитана Т., вошла в его дом, где она никогда не бывала и даже представить себе не могла, что такое может случиться. Выросшая в двойственной обстановке, давимая всеми условностями гаремной жизни, Наль тем не менее была образованна и теоретически знала жизнь цивилизованного и культурного общества благодаря Али Мохаммеду, который боролся с затворничеством женщин всюду, где только была для этого возможность.

У Наль всегда были европейское платье и обувь, к которым ее, как бы играя, приучал дядя Али, вызывая негодование старой тетки и прочего синклита из муллы и его фанатиков-правоверных.

И девушка безо всяких затруднений переоделась в костюм, приготовленный для нее дядей. Смеясь, она закутала молодого Али Махмуда в свой розовый свадебный халат и драгоценные покрывала. Без плача рассталась она с братом, только кинулась ему на шею, хотя в глазах обоих блестели слезы.

— Мужайся, Наль. Все случилось не так, как я предполагал, но... будь счастлива, вспоминай иногда меня и верь: если дядя Али сказал, так оно и должно быть. Если он тебя отдал капитану Т. — значит, таков твой путь. А счастье твое зависит от тебя. Не бойся ничего. Иди весело и старайся понять, зачем дядя создает тебе другую жизнь. Одно только помни: у нас с тобою общий завет — верность до конца. Будь верна капитану так же, как ты верна дяде Али. И ты везде победишь.

Голос молодого Али дрожал, лицо было вдохновенно и прекрасно. Оно сейчас жило. Ничто в нем не напоминало того полумертвого существа, которое с отчаянием смотрело, как Наль подает капитану цветок.

— Время. Прощай, сестра. Я всегда буду тебе верным другом, и нет для нас ни расстояния, ни разлуки.

Взяв пару крошечных туфелек в руки, завернувшись в покрывало, Али выскользнул из дома и пропал во тьме.

Насколько просто было для Наль переодеться в европейское платье, настолько же трудно оказалось побороть привычку к покрывалу и оставаться среди мужчин с открытым лицом. Когда капитан Т. постучал к ней и спросил, можно ли войти, ей было страшно ответить согласием. Увидя ее в простом синем английском костюме и с распущенными до пола косами, перевитыми жемчугом, он пришел в ужас.

Поняв, как нелепо она выглядит и какой уликой являются ее косы, Наль не дала опомниться изумленному капитану и отхватила ножницами косы до пояса.

Она уложила их вокруг головы и надвинула шляпу на лоб.

Набросив на нее легкий шелковый плащ, капитан сказал:

— Унося отсюда дивный образ Али, мы пред ним — муж и жена, Наль. Мы оба повинуемся ему, и оба будем до конца дней верны ему. Мы уходим без него, но он с нами. Если вы идете без страха, мы победим и выполним поставленную перед нами задачу.

— Я не знаю страха, капитан Т. Я его не знала никогда. Я ваша жена перед дядей и Богом. И верность моя Богу — это верность дяде и вам, — спокойно ответила Наль.

Слуги вынесли их небольшие чемоданы в коляску. Лошади сразу перешли на рысь, и Наль стала привыкать к темноте.

— Я ни разу не была на улице ночью, даже за воротами сада, — шептала Наль сидевшему рядом с ней капитану, которого едва узнавала в непривычном штатском платье.

— Перейдем на английский, Наль. Теперь вы — графиня, жена лорда Т. Старайтесь держаться высокомерно до глупости, как помните из английских книг. Вот вам покрывало, — и капитан помог Наль обвязать вокруг шляпы и спустить на лицо довольно плотный синий вуаль.

— Как это приятно, — засмеялась Наль. — Разыгрывая из себя гордую даму, я избавлюсь от назойливых разговоров.

— Не забудьте опереться на мою руку и до самого момента отхода поезда изображайте из себя великую даму-икону, для которой на свете существует три рода рабов разных социальных ступеней: я — муж и первый раб — удостаиваюсь разговора. Ваш дядя — нечто вроде секретаря — второй раб, к которому снисходят до признания его человеком. А слуга — третий раб, которому только кивают или объясняются с ним жестами. Так всю жизнь живут важные дамы.

Постарайтесь прожить таким образом одну-две недели, пока не выберемся на свежий воздух и не завершится наиболее скучная часть нашей жизни.

Наль не успела ответить, экипаж подкатил к освещенному вокзалу. Лорд Т. вышел первым, подал руку своей закутанной супруге и послал секретаря за заказанными заранее билетами. Через несколько минут подошел поезд, секретарь и слуга устроили своих господ в разных купе и прошли в другой вагон, где ехали сами.

Когда поезд тронулся, лорд лично убедился в том, что его супруга устроена удобно, любезно с ней простился и сказал, что утром придет ее проведать. Все было чуждо Наль, незнакомо и неудобно. У нее было до того растерянное личико, что лорд-муж, уже выйдя в коридор, спросил, не нуждается ли его супруга в секретаре. Обрадовавшись возможности побыть с дядей, Наль просила прислать его немедленно. Лорд послал за ним проводника и оставался в коридоре, перекидываясь со своей супругой малозначащими фразами до тех пор, пока не явился секретарь.

— Графиня желает написать несколько писем, у ней бессонница, — сказал лорд мнимому секретарю. Поцеловав руку жене, он

шепнул ему: — Оставайтесь до шести часов. Я займу ваше место утром, а вы отдохнете у меня в купе. Дайте Наль спать, сами дежурьте.

Вернувшись к себе, капитан Т. лег на диван и, приказав себе — как делал это уже много лет — проснуться в шесть часов, мгновенно заснул.

Наль спать не могла. Все ее поражало. Дядя должен был объяснить ей устройство вагона. Он рассказал ей также про весь их путь до Петербурга и описал, как выглядит гостиница в Москве.

— Не знаю, будем ли мы останавливаться там. Думаю, нам надо мчаться во весь дух, чтобы как можно скорее быть в Лондоне, — говорил дядя-слуга. — А как мы туда доберемся?

— Сядем на пароход на Неве. Теперь установлено прямое водное сообщение.

Через семь дней будем в Лондоне.

— Как? Семь дней будем плыть морем? — с удивлением сказала Наль.

— Да, морем. Я, к сожалению, плохо переношу качку. Придется капитану Т. самому караулить свою важную жену, — смеялся дядя. — Чтобы тебе свыкнуться со своей ролью, важная дама, приступай к ночному туалету. В чемодане найдешь легкое платье. Я посижу у окна, ты переоденься и ложись спать.

— Нет, дядя, спать немыслимо. Я могу лечь, если ты этого желаешь. Но ведь от мыслей лопнет голова, если я хоть половины не обдумаю.

Когда через час дядя окликнул племянницу, ответа он не получил. Старик улыбнулся и принялся за чтение. На его безмятежно спокойном лице старого философа не было заметно ни малейшего волнения. Ничто, казалось, не нарушало его равновесия. Он был таким же спокойным и трудоспособным сейчас, как в привычной мирной обстановке своего окруженного виноградником дома, где он оставил многочисленную семью. Книга и делаемые им при неверном свете свечи пометки помогали ему не замечать мелькавших станций, и он с удивлением приветствовал капитана, тихо вошедшего в купе.

— Говорила, что спать не сможет, — шепотом, лукаво улыбаясь, сказал лорду Т. секретарь. — А вот и непривычная тряска, и стук колес, все молодости нипочем.

Секретарь отправился в отделение своего господина, а тот устроился на соседнем диване.

Наль все спала, по-детски подложив ручку под щеку. Капитан заботливо задвинул щелку в занавеске, через которую к волнистой головке подбирался солнечный луч, и снова сел на свое место. Он впервые видел Наль с закрытыми глазами. Черные длинные ресницы бросали тень на розовые щеки, прелестные губы улыбались. Эта почти детская жизнь принадлежала ему. Еще вчера он считал невозможным не только быть соединенным с Наль, но даже пройти свою жизнь вблизи нее. А сегодня он едет с нею, получив ее из рук Али. Едет, чтобы жить и трудиться, свободно любя ее перед всем миром.

«Счастлив ли человек, который несет ответ сразу за две жизни?» — думал капитан.

Отдавая ему Наль, Али сказал, что она дитя, а он не только муж, но и первый друг-воспитатель.

«О, да, — продолжал думать капитан, — выше той любви, когда человек согласен отвечать за жизнь любимого, и быть не может. Али доверил мне часть самого себя. Я должен продолжать его дело и помочь Наль раскрыть в себе все силы жизни».

— Дядя, знаешь, даже лень глаза открыть. А я хвалилась, что половину мыслей додумаю, — медленно просыпаясь, сказала вдруг Наль. — И знаешь, очень странный мне снился сон. Я все время видела капитана Т., и мне казалось, что это он сидит рядом, а не ты. И что я его жена и нас венчают по-европейски. Правда, смешно?

— Не очень, Наль.

Наль вскочила с дивана в полной растерянности.

— Как же это случилось, что вы здесь, а я сплю? — огорченно сказала девушка.

— Мне не хотелось будить вас, а дяде надо было отдохнуть. Не огорчайтесь. Надо привыкнуть играть роль моей жены. Не забывайте, что мы беглецы, и от нашего самообладания зависит, насколько талантливо мы сыграем роли и тем спасем свои жизни. И жизни всех тех, кто в эти минуты помогает нам. Трудно вам, Наль, путешествовать впервые, да еще без женской помощи. Будем стараться вести себя так, чтобы нас принимали за важных и влюбленных супругов. Сейчас постарайтесь причесаться. В парикмахеры я не гожусь, хотя гример хороший. Но критиковать вашу прическу — берусь.

— Если вы будете тихо сидеть у окна, капитан Т., я постараюсь причесать голову, как на модной картинке у дяди Али. Только не смотрите на меня, пока я не скажу.

— Не смотреть на ваши парикмахерские таланты до сигнала берусь. Но на модную картинку не согласен. Выньте из волос все украшения и положите косы вокруг головы, как вчера.

— Как? Все-все украшения вынуть? Разве европейские женщины не носят украшений? Это очень скучно.

— Носят, Наль. Но в волосах их носят только на балах, званых обедах, очень изысканно и в меру. Украшения, как шляпы и меха, имеют свои законы.

Иная шляпа надевается только утром, другая — после обеда, а есть шляпы, которые надевают, когда едут в коляске.

— Как же все это постичь, чтобы не быть бестактной и не осрамить дядю Али или вас, капитан Т.? — с уморительной детской серьезностью спрашивала Наль.

— Я думаю, вам, постигшей такие большие духовные задачи и не менее трудные математические истины, вам, Наль, будет легко усвоить внешние правила цивилизации того народа, среди которого мы будем жить. Для начала выньте из волос жемчуг и снимите драгоценности с шеи и ушей. Они чересчур вызывающие для вагона.

Найдите какие-нибудь маленькие серьги. А волосы в дороге не украшаются ничем.

— Как странно. У нас именно в дорогу и надевается все самое драгоценное.

Довольно долго капитан так сидел, отвернувшись к окну, думая, как трудно будет Наль привыкать к новой жизни, на каждом шагу натыкаясь на сложности.

— Ну, вот я и готова, — услышал он наконец.

Наль стояла перед ним в белой блузке и синей юбке. Волосы ее были гладко причесаны на пробор и уложены вокруг головы. Казалось, этой прелестной головке тяжело от пышных кос, а непривычные шпильки заставляли Наль все время пробовать рукой, на месте ли ее косы. Сквозь тончайший батист просвечивала розовая кожа. Выражение огромных глаз было радостное, доверчивое. Ни облачка сомнений или сожалений о покинутом доме и любимых. Ни малейшей тревоги о неизвестном будущем — ничего этого не было на лице Наль, кроме желания услышать одобрение капитана.

Уверив, что все в ней прекрасно, капитан проводил жену в умывальную комнату и остался ждать в коридоре.

Мысли о Левушке — до сих пор его единственном близком спутнике — пробежали облаком в сердце капитана. Левушка, возвратившийся с пира.

Левушка, распечатавший письмо. Левушка, впервые пускающийся в жизнь без него...

«И здесь я отвечаю за две жизни», — снова подумалось капитану.

Проводив Наль из умывальной комнаты в ее купе, лорд приказал проводнику позвать секретаря. Секретарь, человек опытный и немало путешествовавший, устроил все по части завтраков и обедов. Наль не пришлось об этом беспокоиться, все подавалось в купе.

Первый день путешествия подходил к концу. Наль освоилась с новым бытом, и окружающее перестало ее удивлять. Она больше не поражалась свободе обращения женщин с мужчинами, но выходить до наступления полной тишины и темноты из купе она отказывалась. Без всяких приключений, сменяясь на дежурстве, наши путники добрались до Москвы.

Ни слова ни о чем не спросила Наль, и в поезде, следующем в Петербург, уже чувствовала себя свободно.

Часто замечал капитан, что она напряженно размышляет, но не мешал ей решать свои вопросы самой.

В переполненном петербургском поезде им пришлось ехать в одном купе, чему Наль, уже успевшая несколько привыкнуть к своему открытому лицу, очень радовалась.

Она, казалось, не замечала встревоженного вида дяди в Москве, когда тот шепотом что-то говорил капитану. Она была ровна и спокойна и в Петербурге, где их встретили двое незнакомых людей и очень торопили на пароход.

Пораженная великим городом, она с сожалением сказала: